

УДК 821.161.1

С. В. Копырюлин

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»,
Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, ул. Советская, 181к,
392000 Тамбов, Российская Федерация, stas-kopr@yandex.ru

ОБРАЗЫ ДИКОГО ПОЛЯ И СТЕПИ В ТВОРЧЕСТВЕ КАЗАЧЬЕГО ПОЭТА Н. Н. ЕВСЕЕВА («ДИКОЕ ПОЛЕ» И «КРЫЛАТЫЙ ШУМ»)

В статье рассматриваются константные для русской культуры и литературы образы поля и степи на примере творчества ярчайшего казачьего поэта-эмигранта Н. Н. Евсева, чье наследие до сих пор почти неизвестно на Родине. Большое внимание уделяется изучению двух главных поэтических сборников Н. Н. Евсева — «Дикое поле» и «Крылатый шум», в которых анализируется бытование концептов «степь» и «поле», их авторская репрезентация в контексте национальных исторических и культурных явлений. Обращается внимание на соотношенность концепта «поле» с интимным, сакральным в жизни казачества, а концепта «степь» — с монументальным образом России. Во всех сборниках присутствует ностальгия эмигранта по Родине, которая в духовном смысле находит выражение в концепте «простор», в историческом — «Дикое поле».

Ключевые слова: литература русского зарубежья; казахи поэты-эмигранты; Н. Н. Евсеев; образ поля; образ степи.

Библиогр.: 9 назв.

S. V. Kopyryilin

Federal State Budget institution of higher education “Tambov State University named after G. R. Derzhavin”,
Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation,
181k Sovetskaya Str., 392000 Tambov, the Russian Federation, stas-kopr@yandex.ru

WILD FIELD AND STEPPE IMAGES IN CREATION OF COSSACK POET N. N. EVSEEV (“DIKOE POLE” AND “KRILATIY SHUM”)

This article examines constant images of steppe and field in the context of Russian culture and literature, especially creation of Great Russian Cossack poet N. N. Evseev. Evseev's works are still unknown in his Motherland. The concept “field” in Evseev's creation is a symbol of the space mastered by the Cossacks, where there is a possibility of peaceful labor in their native land, reflections on the highest sacred values and conversation with God. Mostly the concept “steppe” is a natural-historical nature, often correlated with the image of Russia, a place where you feel a connection with the ancestors, where the free Cossack spirit lives, but where you can't return to the exiled Cossack. On the one hand, both of these concepts merge in the concept of “Wild Field”, and on the other in the concept of “open space”, summarizing the emigrant's memories, his longing for everything native. Evseev inherited the traditions of depicting national space in Russian classics; he was close in his understanding of its basic features to his contemporary M. A. Sholokhov. Thus, the creative heritage of Evseev broadens the concept of basic national constants and makes a significant contribution to national geosophy and geopoetic.

Key words: Russian literature abroad; Cossack emigrant-poets; N. N. Evseev; images of the field; images of the steppe.

Ref.: 9 titles.

Введение. Образ поля является одним из центральных образов в русской литературе. К нему обращались русские классики, в том числе Н. В. Гоголь, для которого поле часто предстает и в образе «степи-океана, по которому брызнули миллионы разных цветов» [1, с. 17], и в образе бескрайнего простора, по которому выступала «все та же бесконечная, вольная, прекрасная степь» («Тарас Бульба») [1, с. 18]. Не случайно именно Н. В. Гоголя А. П. Чехов назвал «царем степи» [2, с. 190]. И сам А. П. Чехов написал повесть с симво-

лическим названием «Степь», показав ее неким пространством, олицетворяющим действительность, в которой людям тяжело найти общий язык, но тем не менее являющимся благожелательным для человека, имеющим свои законы. Для М. А. Шолохова степь, а конкретно степь донская, была константой всего творчества: «Низко кланяюсь, по-сыновьи целую твою пресную землю, донская, казачьей, не ржавеющей кровью, политая степь!» [3, с. 64]. Все эти писатели жили в тесном соприкосновении со степной стихией, которая отразилась в той или иной степени в их творчестве. Их традиции изображения степи активно наследовали писатели русского зарубежья, в особенности казачьего происхождения.

Однако в силу разных причин не все из них в настоящее время находятся в центре исследовательского внимания. Кроме того, до сих пор произведения ярких писателей-эмигрантов, обращавшихся к поэтике русской степи, не опубликованы в России. К ним относится творчество незаслуженно забытого казачьего поэта Н. Н. Евсеева (1891—1974). Он был участником Белого движения, в 1920 году эмигрировал. Издал два сборника стихов — «Дикое поле» (1963) и «Крылатый шум» (1965). В них автор обращается к изображению степи как концептуального пространства, наполненного многочисленными историческими, культурными, поэтическими смыслами. Однако в настоящее время творческое наследие Евсеева остается вне поля зрения отечественных и зарубежных ученых.

Основная часть. Название первого сборника поэта символично. «Дикое поле — устаревшее название неразграниченных и слабозаселённых причерноморских и приазовских степей между средним и нижним течением Днестра на западе, нижним течением Дона и Северским Донцом на востоке, от левого притока Днепра — Самары до Чёрного и Азовского морей и Крыма на юге. Ряд историков включает в состав Дикого поля также степи вплоть до верхней Оки» [4, с. 189]. Сам Н. Н. Евсеев родился и жил как раз на территории Дикого поля, на реке Хопер в Тамбовской губернии.

Одним из центральных произведений сборника «Дикое поле» является одноименное стихотворение, к которому поэт возвращался на протяжении долгого времени: с 1950 по 1958 год. В произведении Н. Н. Евсеев маркирует Дикое поле как родное пространство, олицетворяющее саму Россию, ее историю и национальную судьбу:

Лежало просторное Дикое поле
На тысячи верст у могучей реки
И жили на этом просторе на воле
С неведомых лет казаки [5, с. 150].

В стихотворении «Дикое поле» (1958) поэт рассказывает о нелегкой казачьей судьбе, о том, как менялась казачья доля на протяжении нескольких веков, но несмотря на это казаки сохраняли свое национальное самосознание и обособленность:

Шли долгие годы в боях и походах.
Москва по соседству раздорно жила
И Дикого поля казачья свобода
Отважных и смелых влекла [5, с. 150].

Степь и поле стали константами в творчестве Н. Н. Евсеева. В сборнике эти образы находят отражение в главах «Поля» и «Степь». Это разграничение не случайно. Рассмотрим определения данных терминов. Поле — это открытая безлесная равнина, в которой кипит жизнь, или обрабатываемый под посев участок поля. Степь — это пустое неплодородное место, растения там встречаются лишь такие, как ковыль и полынь. У Евсеева же эти два понятия несут эмоционально-экспрессивную нагрузку. Поле — это лирическая ностальгия по незабываемому прошлому, сменившая горькую тоску по Родине. Поэт смирился с не-

возможностью возвращения, хотя его лирический герой продолжает видеть родные места в своих снах. Но теперь они наполнены теплотой и любовью к безвозвратно ушедшим дням. Несмотря на различие этих понятий, их объединяет одно — ощущение потерянной навсегда Родины с «чертами любимого лица» [5, с. 9]:

Ее лицо — поля, просторы,
Луга озера облака,
В степи курганы, косогоры,
Моя песчаная река.
«Расставанье», март 1939 года [5, с. 9].

Перемена настроения поэта отразилась в стихотворении «Родина», написанном в ноябре 1955 года, которое он поместил в главу «Поля»:

Никогда не плачу, что далеко
Родина, родившая меня.
В памяти живет она глубокой,
Радости нетленные храня [5, с. 44].

Чтобы ярче и выразительнее передать свои чувства, поэт прибегает к приему олицетворения, Родина предстает в образе матери, «родившей» поэта, с которой он чувствует постоянную неразрывную связь.

Как и любую местность, донские степи невозможно представить без характерных для нее обитателей и растений («Тоскую страстно о просторах», январь 1931 года):

В леваде горлинка воркует,
Сорока с сойкою кричат,
А ветер радостно целует
Вокруг какой-то райский сад [5, с. 12].

Кроме воспоминаний о родном крае, дорогих сердцу поэта, поля являются для лирического героя чем-то сакральным, объединяющим его с собственными предками («Весеннее солнце над снегом», март 1948 года):

Родную я чувствую землю
И пращуров голос в веках.
С волненьем я вечному внемлю
В весенних под снегом полях [5, с. 34].

Сакральность поля выражается еще и в том, что герой ощущает там связь с Богом, с православием, которое является неотъемлемой частью казачьей культуры («Родина», ноябрь 1955 года):

Боже мой, как хорошо вдыхаю
Воздух Твой небесный и земной,
«Может быть он льется к нам из рая» —
Так я говорю в полях с душой [5, с. 44].

В стихах Н. Н. Евсеева путем обращения к сокровенным сторонам души происходит пробуждение в ней самых сильных, глубоких чувств. Одно из таких чувств — ощущение бытия Бога, упование на Него. Именно такие стихотворения поэта обладают живительной силой исцеления для измученных житейскими невзгодами эмигрантов. Такие строки были поддержкой и опорой для православного человека на чужбине.

В русской литературе пространственный образ степи часто выступает не как природная реальность, а как особый культурный мир. Например, у М. А. Шолохова степь предстает в величии и молчании: величайшее безмолвие степи становится ее главным атрибутом и воплощает мудрость земли. Стихотворения Н. Н. Евсеева, входящие в главу «Степь», наполнены невыносимой тоской по Родине и зияющей душевной пустотой. Именно такое определение дает степи Григорий Мелехов в романе «Тихий Дон»: «Пусто. Как зараз в степе...» [6, с. 146]. Именно пустота поселилась в сердце Евсеева после вынужденного расставания с Россией, горькая тоска по родной донской земле превалирует в каждой строчке («Тянется долгая ночь до рассвета», октябрь 1937 года):

В тоскливом бессонье я вспоминаю
Юность и радость в далекой стране.
Степи и займища кажутся раем —
Там я скакал на веселом коне [5, с. 70].

Степь в стихотворениях Н. Н. Евсеева часто выступает в качестве символического очевидца кровавых событий Гражданской войны, в частности, Степного похода — движения донских частей Белой армии в Сальские степи, длившегося с февраля по май 1918 года, непосредственным участником которого был сам поэт:

Ночи дни нежданного похода.
Степь, февраль, и в звездах твердь.
Милая звериная свобода
Стерегущая в просторах смерть.
«Степной поход», февраль 1935 года [5, с. 67].

Н. Н. Евсеев акцентирует внимание на том, что судьба степи сливается с исторической судьбой России, этот пространственный образ определяет ее национальное своеобразие, специфику национального характера, а также направление художественных исканий русских писателей. Донские степи, впитавшие в себя тысячелетия истории Отечества, находят свое отражение в творчестве казачьих поэтов. Н. Н. Евсеев грезит возвращением в детство, дореволюционную Россию, чтобы снова увидеть родные просторы:

О родной стороне я вздыхаю,
Вспоминаю хоперский луг.
Вспоминаю летящие стаи,
Казачат из ночного круг [4, с. 86].

Художественный концепт «степь» играет одну из важнейших ролей в русской литературе. И это не случайно, поскольку, согласно концепции С. А. Аскольдова, художественные концепты несут в себе символизм, «что они означают, больше данного в них содержания и находится за их пределами» [7, с. 275]. У каждого русского писателя концепт «степь» раскрывается по-своему, отражая картину мира художника, ее понятийно-смысловые и национально-культурные константы.

Так, в главе «Степь» Н. Н. Евсеевым изображается потусторонний мир, который выражен в образе ветра. Согласно славянской мифологии, душа обретается с помощью ветра. Ветер попадает в тело человека, наполняет его, тем самым оживляя его. Когда же человек спит или умирает, этот ветер выходит из тела и отправляется гулять по свету [8, с. 107]. Здесь можно увидеть сопоставление образа ветра с самим поэтом. Он скучает по родной земле, находясь в чужих краях, но он может отправиться к знакомым левадам и садам послушать птиц, обернувшись ветром («Мне снится осень золотая», август 1940 года):

Лишь ветром будет дух казачий
Летать над русскою землей [5, с. 81].

Невозможно представить простор степи и полей без ветра. В данном случае ветер выступает не образом казачьей души, а очевидцем событий, потрясших донские степи, своего рода летописцем событий, к примеру, в поэтическом сборнике «Крылатый шум» (1965) описан один из эпизодов бунта Кондратия Булавина, победа над войском атамана Лукьяна Максимова у реки Лесковатки («Ветер», март 1954 года):

Вял ты у реки Лесковатки,
Булавин где черкасцев разбил
И в казачьей губительной схватке
Волно прадедов кровью крепил [9, с. 86].

В этом четверостишии Н. Н. Евсеев прибегает к приему метонимии, чтобы показать масштабное историческое значение вековой борьбы предков за свою казацкую волю. Образ ветра неотделим от истории и культуры казачества, он сопровождает во всех сражениях с самых древних времен донских казаков, чей вольный дух сродни ветру, свободно гуляющему по бескрайним просторам донских степей («Ветер», март 1954 года):

Ветер, ветер, мой брат легкокрылый,
При Мамае ты так же бродил [9, с. 86].

Ветер в данных строках наделяется автором свойствами, присущими живому существу, ветер здесь предстает братом поэта. Тем самым ветер для Н. Н. Евсеева — это, условно, олицетворение связи с родным краем, стихия, способная передать тоску поэта по родной земле:

Ветер, ветер, любимый и вольный,
Ты прими мой казачий поклон.
Пусть тоскливо, горько и больно,
Отнеси мое слово на Дон [5, с. 86].

В стихотворении «Мне снится осень золотая...» (август 1942 года) поэт пишет о том, что после смерти душа поэта становится ветром и возвращается в родные места бродить по знакомым долам, полям и степям. Со временем надежда вернуться на Родину тает, о чем свидетельствуют следующие строки:

Никогда не увижу, я знаю,
Ни степей, ни лугов, ни полей,
Но о них я всегда вспоминаю
Потому что так жить веселей [5, с. 126].

Теперь Россия выступает для Н. Н. Евсеева только музой. Поэт уже не надеется прикоснуться к родной степи, а только воспевает ее в своих произведениях. Стоит подчеркнуть, что специфика расположения степного простора часто зависит от того, где родился и вырос поэт. Почти в каждом произведении у Н. Н. Евсеева можно проследить описание местности между Доном и Хопром.

Поэт вырос и жил вблизи Хопра, его детство и юность прошли среди бескрайних просторов степей. Именно поэтому концепт «степь» в творчестве поэта олицетворяет собой Родину, «прекраснейшую страну»:

Я получил полынь сухую
Нежданно из донских степей.
Ее с волнением целую,
Как знак от родины моей [5, с. 130].

Для глубокого раскрытия образа степи автор дополняет его деталями, присущими его пониманию Отчизны. В стихотворении «Полынь-трава» (август 1959 года) запах полыни напомнил поэту о родном крае. Это можно сравнить с чудодейственным свойством «матери сырой земли», которая напоминала былинным героям об их Родине и придавала им силы. Полынь пробудила воспоминания об отчем доме и придала поэту силы для жизни на чужбине:

Полынь белесая родная,
Рожденная землей в степи,
Седая, пыльная, немая,
Как будто говорит: терпи [5, с. 130].

В этом случае Н. Н. Евсеев прибегает к уже излюбленному приему олицетворения, полынь как символ Родины наделяется автором одушевленными свойствами и выступает как «дитя» родной степи поэта. Она словно «поддерживает» поэта в чужом краю.

В позднем сборнике «Крылатый шум» (1965) художник прибегает к широким концептуально-пространственным обобщениям, он больше не разделяет специально понятия «поле» и «степь», в главе «Простор» они уже в целом олицетворяют казачью душу, безграничную и свободную («В казачьем сердце степь да поле», апрель 1947 года):

В казачьем сердце степь да поле,
Луга, озера и река,
Где по небесному приволью
Плывут отарой облака [9, с. 77].

Раздолье казачьей души Н. Н. Евсеева стирает границы настолько, что автор чувствует Родину за тысячи километров («Народ», июнь 1957 года):

Будто здесь на улице Россия
Дышит воздухом своих полей,
Будто пахнут полыньки степные.
Так я чувствую душой своей [9, с. 98].

Сборник «Крылатый шум» отличается от «Дикого поля» в первую очередь тем, что лирический герой вспоминает о Родине с теплотой и любовью, без всепоглощающей тоски, но он уже не питает надежды туда вернуться («Никакой не жду я катастрофы», апрель 1951 года):

Никакой не жду я катастрофы
И засну по-детски в белой тишине,
Только не приснятся, как когда-то, дрофы
На степи осенней или на стерне [9, с. 85].

В стихотворении «Ты приедешь в царство Женеьевы» (глава «Простор» сборника «Крылатый шум», январь 1956 года) можно наблюдать превращение синонимичной пары концептов «дом — степь/поле» в синонимичную пару «дом—кладбище»:

Ты приедешь в царство Женеьевы
Тишина, деревья и покой
Русские направо и налево
И над всеми купол голубой [9, с. 92].

Женеьева — это русское кладбище, расположенное в пригороде Парижа в Сент-Женеьев-де-Буа. Многие родственники, друзья и сослуживцы теперь навсегда «поселились» там, и теперь поэту уже не к кому стремиться в России:

Это здесь лежит твоя Россия.
Из нее не выйдешь никуда.
Казачи, их братья боевые,
Будут здесь до Страшного Суда [9, с. 92].

Заключение. Концепт «поле» в творчестве Н. Н. Евсеева символизирует освоенное казаками пространство, где возможен мирный труд на родной земле, размышления о высших сакральных ценностях, разговор с Богом. Концепт «степь» преимущественно носит природно-исторический характер, часто соотносится с образом России, местом, где чувствуется связь с предками, где обитает вольный казачий дух, но куда нельзя возвратиться казаку-изгнаннику. Оба эти понятия сливаются, с одной стороны, в понятии «Дикое поле», а с другой — в концепте «простор» в одноименной главе сборника «Крылатый шум», обобщающем воспоминания эмигранта, его тоску обо всем родном, что впоследствии переходит в ностальгию и принимает свою эмигрантскую участь. Н. Н. Евсеев во многом наследовал традиции изображения национального пространства в русской классике, был он близок в своем понимании его базовых черт и своему современнику М. А. Шолохову. Таким образом, творческое наследие Н. Н. Евсеева расширяет представление о базовых национальных константах, вносит значительный вклад в национальную геософию и геопэотику.

Список цитированных источников

1. Гоголь, Н. В. Тарас Бульба / Н. В. Гоголь. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. — 256 с.
2. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. / А. П. Чехов. — М., 1975. — Т. 2. — 584 с.
3. Шолохов, М. А. Собрание сочинений : в 8 т. / М. А. Шолохов. — М. : Гос. изд-во худ. лит., 1957. — Т. 4. — С. 444.
4. Платонов, С. Ф. Полный курс лекций по русской истории / С. Ф. Платонов. — СПб., 1997. — 492 с.
5. Евсеев, Н. Н. Дикое поле : стихи / Н. Н. Евсеев. — Париж : Родимый край, 1963. — 268 с.
6. Шолохов, М. А. Собрание сочинений : в 8 т. / М. А. Шолохов. — М. : Гос. изд-во худ. лит., 1956. — Т. 2. — 415 с.
7. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : антология. — М., 1997. — С. 267—279.
8. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. / А. Н. Афанасьев. — Т. 1. — М. : Соврем. писатель, 1995. — 411 с.
9. Евсеев, Н. Н. Крылатый шум : стихи / Н. Н. Евсеев. — Париж : Родимый край, 1965. — 237 с.

Поступила в редакцию 21.02.2020